СВЕТЛАНА ПРОКОФЬЕВА



ПРИНЦЕССА

сладости и горести

ПРОЛОГ



— ПРИНЦЕССА, БУДЬ со мной! — Красавец-мужчина, одетый в алый военный мундир, сжимает мои дрожащие пальцы. Его волосы оттенка молочного шоколада и теплые серо-голубые глаза тускнеют с каждой секундой, а улыбка становится шире, искусственнее.

Ослепительно-белый тронный зал, украшенный причудливыми декорациями из радужного марципана и золотистой карамели, рассыпается мелкой крошкой. Свечи в канделябрах тают, словно ванильное мороженое в летний зной, пока их пламя подрагивает от сквозняка.

Мое белое платье, похожее на балетную пачку, превращается в паутинку сахарной ваты. Сладкий аромат ванили и корицы сменяется удушливым запахом, а на языке появляется привкус железа. Мир вокруг начинает трескаться, до моих ушей доносится скрежет.

Из последних сил принц пытается удержать меня, цепляется стальной хваткой длинных пальцев в белых перчатках.

— Я люблю тебя. Ты все, что мне нужно. — В чарующе сладком голосе слышится отчаянная мольба человека, который держится за последнюю соломинку надежды. Как будто от меня зависит благополучие целого мира, который я обрекаю на смерть своим бездействием. — Пожалуйста, Мари, не покидай меня.

Но я понимаю: расставание неизбежно.

Смотрю на свои руки. Ладони становятся прозрачнее, они вот-вот рассыплются в мелкую сладкую пыль.

Опять я ничего не могу сделать. Получается лишь отчаянно сплести наши пальцы, крикнуть, что я не в силах остановить неизбежное, что не хочу расставаться с волшебным, ярким, сказочным миром и что мне от этого больно…



ГЛАВА 1



СЕГОДНЯ, КАК И ВЧЕРА, как и неделю назад, я проснулась в холодной постели. В который раз задалась вопросом: что бы могло произойти, если бы я осталась? Но как? Это всего лишь сон, верно? Подобно заезженной пластинке, яркое сновидение повторялось каждую ночь вот уже восьмые сутки, начиная с Рождества, обрываясь на трагической ноте по утрам. Сценарий менялся, как в спектакле, но финал оставался прежним. Мир рушился, платье таяло, Щелкунчик превращался в механическую игрушку. Я открывала глаза, слипшиеся от слез. Мимолетное счастье, чудо растворялись в рассветном зимнем зареве.

Первые отголоски погибающей сказки послышались еще летом. На следующий день после смерти моего дорогого крестного история о прекрасном принце из Конфетбурга на витрине лавки застыла навсегда, а судьба мастерской должна была решиться при оформлении наследства. Смерть гения в одночасье разрушила все удивительные диковинки. Даже моя любимая механическая сова в заводных часах в гостиной перестала выскакивать с диким уханьем каждые двенадцать часов. Жизнь, раскрашенная яркими красками, приобрела черно-серые траурные оттенки.

Город за окном до сих пор оплакивал промозглым дождем смерть величайшего мастера заводных игрушек и автоматонов. Может, потому снежная

зима в этом году и не желала приходить в Нюрнберг? Каждое утро морось превращала выпавший ночью снег в серую хлюпающую слякоть под ногами прохожих. Фабричный дым омрачал картину города. Только календарь напоминал, что сегодня второе января. Вчера наступило новое десятилетие нашего прогрессивного, беспокойного века, а сегодня Нюрнберг продолжил жить как и прежде, не обращая внимания на смену времен и эпох, будни и праздники.

Я смотрела в окно, наблюдая за тем, как сухопарый, сгорбленный слуга нашего соседа тащил елку и кряхтел, ругаясь себе под нос. Для советника медицины праздник заканчивался уже в первый день нового года с началом рабочего дня. Я же слезно попросила Никласа оставить нашу праздничную ель нетронутой вплоть до седьмого января, как было заведено в моей семье. Он неохотно согласился, добавив, что выбросить дерево или пустить на растопку — дело несложное. Все равно сейчас голова другим забита, проблемы следует решать по мере их поступления, и елка — последняя из них.

Муж приучил меня к порядку. К тому, что мой гардероб состоял из двух скромных серых платьев и одного выходного, для особых случаев, с кружевами по подолу. К тому, что вся моя жизнь расписана по минутам, а любое отклонение от правил не просто моветон, а нечто совершенно недопустимое. К тому, что утро начиналось с боем механических часов, звучащим ровно восемь раз. Через пять минут заходила Анна с предметами для умывания и приводила меня в порядок: помогала одеться и грубо собирала мои русые волосы в простой пучок. Она никогда не церемонилась со мной: ни в детстве, когда она слу-

жила при моей матери нашей с Фридрихом нянюшкой, ни сейчас, ведь верная служанка осталась моим близким и верным другом в доме мужа. В семь лет я пряталась от нее под одеялом, не желая собираться на торжества, а сейчас терпела боль, когда косточки корсета болезненно впивались в ребра. Вот и сегодня, как всегда, под конец сборов она тепло оглядела меня и покачала головой.

— Вы совсем исхудали, прямо как моя тетка, — нравоучительно заметила она и цокнула языком.

В ее глазах я все еще была непослушной девчонкой, за которой нужен глаз да глаз. Я не возражала, принимая заботу, и давно не поправляла резкие, не подобающие служанке выражения.

— Три года она ходила бледная, никаких белил не надо было, а потом взяла и померла. Смотри не повтори ее судьбы.

Муж ждал меня за завтраком. Стоило мне войти в столовую, как я ощутила на себе оценивающий взгляд Никласа. Он ежедневно внимательно разглядывал мое тело, словно измерял каждый его миллиметр штангенциркулем*. Его пристальный взор блуждал по линии плеч, положению рук и осанке. Никлас оценивал оттенок бледности с той же педантичностью, с какой проверял протоколы подчиненных и выверял каждую запятую в них.

— Ты угасаешь на глазах, Мари. Я до последнего надеялся, что нам не придется применять эти аморальные, радикальные меры, — сказал он как бы между делом в разгар завтрака и скривился, словно яичница оказалась пересолена или кофе горчил.

---

* Штангенциркуль — инструмент для точного измерения размеров предметов. — *Здесь и далее примечания редактора.*

Марта великолепно готовила, и я знала, что дело вовсе не в кофе.

Он как будто был не в силах произнести новомодное слово, наполненное вульгарными идеями, сходными с мистикой, и никак не допустимое для дамы моего круга. Психоанализ. Назначить необычное лечение убедил мужа мой драгоценный брат Фридрих, когда навестил нас на мой день рождения в начале декабря. Уже тогда он заметил фарфоровую бледность на моем лице и впалые щеки. Косметика не могла скрыть это ужасное состояние, сколько бы я ни старалась. Вздохнув, он незамедлительно заключил, что я страдаю истерией и нервным бессилием, недопустимыми для женщины моего круга, ведь жена советника по инженерии должна быть чиста, покорна и пребывать в благоприятном расположении духа.

Крестный — не отец, чтобы по нему горевать дольше положенных трех месяцев. Я же больше полугода никак не могла смириться с его смертью и внутренне принять ее. Об этом говорили и муж, и брат. Конечно, они были правы. Только в глазах Фридриха я видела не укор, а сочувствие и искреннее желание помочь.

В сочельник на семейном торжестве Фридрих представил своего друга, терапевта из Берлина, герра Рата, который искал квартиру в Нюрнберге. Тогда я заметила, как живо милый старичок в строгом костюме, с очками, забавно съезжающими на кончик носа, рассказывал что-то про рентген души и новомодный метод, заключенный в разговорах с подсознанием. Решено было назначить нашу тайную встречу на сегодня, если кошмары не пройдут. Я и сама не хотела идти, надеясь, что мое горе истончится с утренним

туманом после Рождества и я осознаю, что праздники больше не будут прежними. Времена, когда крестный посещал нас и дарил мне капельку волшебства в виде забавной безделушки, ушли навсегда. Пустоту в душе заполнили сны, которые с каждым днем становились ярче, в них появлялись звуки и запахи, до того не слышанные мной. Они словно звали забыться и никогда не просыпаться.

— Надеюсь, ты отдаешь себе отчет в деликатности данного предприятия. Не думай рассказать герру Рату что-нибудь лишнее и будь осторожна с ним наедине. Репутация — вещь хрупкая. — В голосе мужа прозвучало легкое предупреждение.

Никлас отпил кофе, и его рука опустила чашку на блюдце идеально рассчитанным, механическим движением. В напряженной позе и холодном взгляде мужа читалось раздражение. Конечно, герр Рат был статным мужчиной, да только седина на висках и хромота на одну ногу вычеркивали его из списка потенциальных любовников.

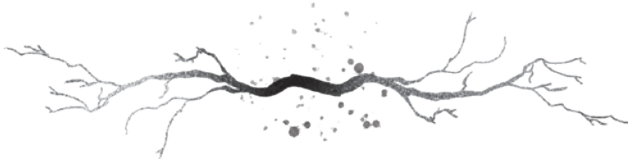
— Ты же знаешь, я не болтлива и люблю только тебя, — произнесла я с нежной улыбкой, стараясь притушить огонек ревности.

Никлас дорожил мной. Боялся чрезмерного внимания ко мне, думал, что оно будет губительно для нашего союза. Говорил, что женщины по природе ветрены, легкомысленны и непостоянны. Он, вероятно, приревновал бы и к принцу из снов, не будь тот его копией. Разрез глаз и улыбка, движения, походка. Между ними было лишь одно, главное отличие: Щелкунчик был готов бросить к моим ногам целое королевство, лишь бы я осталась с ним, а Никлас даже не подпускал меня к наследству, несмотря на то что крестный завещал все мне.

— Вот и хорошо, — удовлетворенно произнес муж, нахмурив брови. Скользнул взглядом по моему простому серому платью с длинными рукавами и воротом до самого горла, единственным украшением которого были скромные кружева на манжетах. — Почаще напоминай себе об этом. Надеюсь, твой брат прав и экспериментальные методы докторишки будут крайне полезны и для твоего здоровья, и для внешнего вида.

Он кинул на меня ревнивый взгляд серо-голубых, как зимнее небо, глаз.

Мы впервые встретились в то рождественское утро, когда мой крестный представил нам своего племянника. Мне было восемь, а ему шестнадцать. Я поверила, что нашла своего сказочного принца, наивно полагая, что расколдовала Щелкунчика и заслужила свое «долго и счастливо», а прекрасный герой предстал передо мной обычным человеком после того, как я побывала в его сказочной стране. Тот же невероятный прищур, та же лучезарная улыбка. Пусть мы и виделись только по праздникам, но преодолевали расстояние в письмах, пока мне не исполнилось восемнадцать и обручальные кольца не закрепили наш союз. Никлас сразу стал мне симпатичен, а огонек любви в моей груди разгорался сильнее с каждым годом и не угасал ни на миг. В юности я считала наши узы не просто браком по расчету, а частью рождественского чуда. Но после трех лет семейной жизни я узнала, что жизнь не похожа на сказку, а незаметность — главное качество хорошей жены.



ГЛАВА 2



— КАК ДАВНО вас беспокоят кошмары, фрау Штальбаум? — прозвучал голос в полумраке комнаты с плотными, не пропускающими уличный свет шторами.

Я лежала на кушетке, рассматривая огромный шкаф. Он занимал пространство от пола до потолка и был наполнен толстыми книгами в твердых переплетах, бумажными папками и разными диковинками. Безголовая статуэтка с крыльями соседствовала с деревянной африканской маской, а прямо над ними красовался крысиный скелет, замерший в сидячей позе.

— Дроссельмейер, герр доктор, — осторожно поправила я. Должно быть, близкое знакомство с моим братом сыграло свою роль, вот доктор и оговорился. — Полгода. Но это не кошмары, а скорее навязчивый сон.

Психоаналитик расположился у изголовья кушетки в глубоком кресле. Пауза. Тихий скрип грифельного карандаша под тиканье механических часов.

— Можете рассказать подробнее? — Его голос звучал ровно, успокаивающе.

Мне казалось, я общаюсь с его тенью на стене рядом со мной. Тень шевельнулась: герр Рат закинул ногу на ногу. Его бархатистый голос навевал воспоминания о крестном, который рассказывал мне сказки и совсем крамольные вещи. К примеру, что женщина может быть не только хозяйкой дома и заботливой супругой для мужа, но и блестящим

ученым, как Мария Кюри. Но в те моменты он также твердил, что для подобного нужно очень много храбрости.

— Он каждый раз начинается по-разному. С чудесного сада с озером, с банкета или с бала-маскарада, как в Вене. — Я разглядывала тень. Та слегка шевелилась от подмигивающих светильников, иногда ее более темная часть наслаивалась на светлую, и казалось, что у мужчины две головы. — Но всегда заканчивается тем, что мир рушится, и я — его погибель.

— Вы сказали «погибель»? Что вы ощущаете в этот момент? — уточнил герр Рат.

Я невольно вздрогнула, пытаясь найти скрытое осуждение за мой тон, непозволительный для молодой фрау. Но обвинения не было, только интерес.

— Что должна остаться там, в мире грез, как будто он лучше. — Я вздохнула, рассматривая движения тени. Казалось, она перемещалась по стене сама, словно живая.

Скрежет карандаша снова наполнил пространство.

— Мир грез. На что он похож?

— На сказку, которую мне рассказал крестный в детстве. Этот волшебный за́мок, — я мечтательно улыбнулась, вспоминая тот уютный праздничный вечер, — выглядит точь-в-точь как его подарок на Рождество, когда мне было восемь. Позвольте пояснить: крестный подарил нам с Фридрихом заводной за́мок и игрушечный автоматон в виде Щелкунчика. Должно быть, он не успел доделать его к празднику, и у игрушки заедала челюсть. Но он очень хотел нас порадовать. Крестный весь вечер утешал меня рассказами о прекрасном принце, волшебном королевстве, а ночью мне приснился яркий сон, в котором на мой дом напали крысы.

Я всплеснула руками и тут же осеклась, поспешно прикрыла рот ладошкой. Какой стыд! Виной всему таинственная атмосфера, а может, свет от торшера в углу или запах серы, — что-то из этого переместило меня в ожившую той ночью сказку.

— Продолжайте, Мари, — настойчиво попросил доктор. В голосе появились новые, глубокие, хищные интонации. — Что вы помните из той ночи… простите, того сна?

Перед закрытыми глазами появились яркие воспоминания: бравый Щелкунчик в алой форме командира гвардейского полка, сражение и то, как я кинула туфлей в… Моя память сохранила еще один образ. Отчетливый, грубый, яркий.

— Крысиного короля, — прошептала я, распахнув глаза. И снова, как в детстве, мое тело отреагировало волной мурашек. Он до сих пор мне иногда снился. Не животное — человек. Высокий, с горящими желтыми топазами глаз. Тень прошлого, той беспокойной ночи, облаченная в черное. Мой главный страх детства. — Он явился ко мне, требовал отдать Щелкунчика, угрожая расправой.

Я осеклась и глянула на тень, которая нависла надо мной в предвкушении и ожидала продолжения рассказа.

— А точно ли это была угроза? Быть может, торг? Он предлагал сделку, верно?

— Точно не помню. — Я закусила губу, как делала обычно в детстве, когда глубоко задумывалась. — Хотя он говорил, что Щелкунчик должен погибнуть.

— И вы не отдали Щелкунчика.

Я отчетливо расслышала, как в голосе герра Рата прозвучало необоснованное обвинение.

— Не смогла. — Я поспешно мотнула головой, ощутив странный укол вины. — Он был мил и добр, и кто-то должен был его защитить. Я взяла саблю брата, подала ее Щелкунчику, и он одолел Крысиного короля, снес ему голову. — Мой взгляд невольно скользнул по статуэтке обезглавленной греческой богини. Я порывисто вдохнула и выдохнула. — Так сказал Щелкунчик, когда с него спало проклятье. Я не видела сражения, только слышала отголоски из соседней комнаты. Сказка кончилась хорошо. Автоматон стал принцем и пригласил меня в свое королевство, вернее, за́мок. Показал слуг, фей, придворных.

— А сейчас вы стали видеть чуть больше, чем внутреннее убранство за́мка? — нетерпеливо перебил меня психоаналитик. Его голос изменился, стал напряженным, в нем появилась хищная хрипотца, похожая на скрип старых половиц. — Королевство сладостей расширилось? И Щелкунчик показывает его вам? Зовет к себе? Соблазняет свободой?

Я зарделась от стыда, и жар расползся по лицу, опалил уши. Соблазнял, да. Смотрел на меня так, как Никлас на нашей свадьбе, живыми, горящими глазами, полными искр настоящей страсти. Я вздохнула и не ответила, но машинально кивнула. Мой взгляд был прикован к тени на стене: та удлинилась, исхудала. Мужчина будто вырос на добрых полголовы.

— Доктор? Что с вами? — дрожащим голосом спросила я, чувствуя, как по спине прокатился холодок и сердце на мгновение замерло, а следом забилось так, словно хотело разорвать грудную клетку.

— Вы не ответили, Мари. Вы знаете, как попасть туда? Ваш крестный оставил ключ, подсказки, хоть что-то? — настойчиво спрашивал доктор, не обращая на мои слова внимания.

Я услышала скрежет когтей по деревянному подлокотнику. Медленно обернулась.

— Нет, не может быть. Я просто сплю. Тебя нет, — неверяще прошептала я, глядя на то, что сидело в кресле. — Ты сон, сгинувший кошмар детства.

В кресле сидела густая материальная тень, которой можно было бы коснуться — настолько она оказалась живой. Свет лампы выхватывал только горящие глаза, блестевшие неестественным желторыжим огнем. Глаза монстра из моих снов. Его слабо освещенные, призрачные, туманные пальцы сжимали подлокотник. Бледные, тонкие, костлявые. Морок резко встал и сделал рывок в мою сторону. Я вскрикнула, вжалась в спинку кушетки, подтянув колени к груди. Зажмурилась, чтобы не смотреть на отвратительный черный силуэт, нависающий надо мной. Не человек — сгусток плотного смога, похожий на крысиный скелет, смотрел на меня голодно, по-животному. Я невольно тронула кончиками пальцев каблук туфли. Хотелось снять ее и бросить, как в детстве, но руки замерли. Горло сдавило. Воздуха не хватало.

— Открой глаза и посмотри, что ты наделала, Мари.

Я помотала головой, снова чувствуя себя беззащитной девочкой, которая отдала игрушки, сладости, платья, даже отперла дверь на кухню для крысиной армии, лишь бы защитить самое дорогое.

Холодные тонкие пальцы коснулись моей щеки, а в следующее мгновение мир потерял очертания. Последним, что я услышала, был голос, наполненный яростью и неподдельным отчаянием:

— Тринадцать лет, Мари! Прошло тринадцать лет с нашей последней встречи, а ты все так же глупа и до сих пор веришь в его сказки?